

Свобода слова в Европе постепенно умирает

От «Закона о цифровых услугах» до экономических санкций, включая законы о борьбе с разжиганием ненависти - Европа незаметно создала разветвленный аппарат надзора и цензуры.

Клаудио Грасс

сбт 25 июл 2026 10 мин. чтения

На протяжении десятилетий западные демократии действовали в рамках удобного консенсуса: цензура считалась грубым инструментом, присущим авторитарным режимам, в то время как «свободный мир» опирался на открытые дебаты, активное инакомыслие и конституционные гарантии. Такое отношение позволяло западным лидерам чувствовать себя выше остального мира, поучать другие страны демократическим принципам и идеям «открытого общества», а в некоторых

случаях даже вторгаться на их территорию и бомбить их, чтобы распространять эти идеи силой. Однако в последние годы эта идеология рухнула под тяжестью собственного лицемерия.

Это происходит потому, что новая парадигма контроля над свободой слова незаметно укоренилась, шаг за шагом, благодаря сложной системе административных норм, автоматизированным механизмам модерации на платформах и расширению составов уголовных преступлений. Разумеется, этот процесс редко позиционируется как целенаправленное ограничение свободы. Вместо этого он облекается в мягкие, безупречные формулировки, направленные на снижение вреда: «цифровая безопасность», «борьба с языком ненависти» и «предотвращение онлайн-радикализации». Однако за этой защитной лексикой скрывается беспрецедентное расширение государственной власти и враждебное посягательство на право на индивидуальное самовыражение. Хотя в Соединенных Штатах также существуют опасения по поводу ограничений свободы слова, именно Европа стала эпицентром этого законодательного сдвига в западном мире, создав правовые рамки, которые фактически превращают свободу слова из фундаментального права в условную привилегию, предоставляемую государством и подлежащую отзыву.

Законы в духе Оруэлла и новые „преступники“

Европа ускорила продвижение по пути регулирования, в рамках которого сама по себе свобода слова рассматривается как угроза, с которой должны бороться государство и его корпоративные исполнители. Это наглядно отражено в наднациональных инструментах блока, направленных на подавление свободы слова. Закон о цифровых услугах (DSA) обязывает очень крупные онлайн-платформы (VLOP) оценивать и снижать «системные риски», а платформы должны оперативно реагировать на уведомления о незаконных материалах, иначе им грозят штрафы в размере до 6 % от годового глобального оборота. Хотя DSA и заявляет о стремлении к балансу прав, его требования по оценке рисков и механизмы обеспечения соблюдения поощряют чрезмерное соблюдение норм, что приводит к побочной цензуре законных, но спорных или непопулярных высказываний. Это связано с тем, что DSA охватывает не только явно незаконный контент, язык ненависти и угрозы основным правам, но также «дезинформацию» и «любые фактические или предсказуемые негативные последствия для общественного дискурса и избирательных процессов». Разумеется, это намеренно расплывчатые термины, поскольку высказывания, оказывающие «негативное влияние на общественный дискурс», могут буквально означать всё, что не нравится властям. Еще одним «системным риском», на выявление которого DSA обязывает

платформы, является контент, который может иметь «серьезные негативные последствия для физического и психического благополучия человека». Это также может буквально означать что угодно, в том числе просто обиду на мнения другого человека.

Chat Control (официально — регламент о предотвращении сексуального насилия над детьми) предполагает ещё более глубокое вмешательство в частную жизнь. Первоначальные версии документа предусматривали обязательное сканирование всех личных сообщений, включая переписку, защищённую сквозным шифрованием (end-to-end encryption). Хотя от идеи обязательной массовой проверки зашифрованных чатов на данный момент удалось отказаться, сохраняющиеся положения о «добровольном» выявлении запрещённого контента и расширении соответствующих полномочий продолжают закреплять практику наблюдения за личной перепиской. Сторонники инициативы ссылаются на необходимость защиты детей. Однако, расширение подобных механизмов на другие категории контента практически неизбежно, а сам регламент принципиально несовместим с правом на неприкосновенность частной жизни и свободой выражения мнений. Предположение, что все цифровые разговоры между гражданами должны находиться под упреждающим государственным контролем, является возмутительной идеей, которая «защищает граждан» примерно так же, как это когда-то делала Штази.

Помимо регулирования цифровых платформ, европейские власти всё чаще используют законодательство о санкциях как инструмент политической цензуры. Показательный прецедент был создан в этом месяце, когда высшая судебная инстанция ЕС постановила по делу [Трауготта Иккерота](#), что немецкие власти вправе привлекать к уголовной ответственности независимых блогеров за публикацию видеороликов государственного российского телеканала RT в частном блоге, существующем на добровольные пожертвования. Признав простое встраивание или повторную публикацию материалов запрещённого СМИ «экономическим содействием» организации, находящейся под санкциями, европейские суды фактически установили, что высказывания могут быть криминализованы на основании норм торгового и санкционного законодательства. Примечательно и само существование законов, запрещающих распространение средств массовой информации, даже если речь идёт о медиа, распространяющих пропаганду другого государства. Подобные законы относятся к гражданам как к детям, ограничивая круг сообщений, с которыми им разрешено знакомиться, и тем самым ставя под сомнение их способность к критическому мышлению. Более того, они лишают людей возможности увидеть другую сторону нарратива наряду с пропагандой собственного государства.

И это далеко не единичный случай. Как сообщает издание Reason: «Турецко-немецкий кинорежиссёр Хюсейн Догру стал первым гражданином Европы, который на европейской территории был включён в список лиц, подпадающих под санкции в отношении России, из-за своих высказываний. В прошлом году власти обвинили его в найме российских пропагандистов и распространении «ложной информации по политически спорным вопросам с целью разжигания межэтнической, политической и религиозной розни». Догру оказался в ситуации, когда он не мог снимать со своего банковского счета более 600 долларов в месяц. Федеральный банк Германии заявил, что предоставление Догру работы или даже подарок нарушит санкции, которые теперь распространены и на его жену, британскую журналистку Лиззи Фелан».

Отдельные страны-члены ЕС идут гораздо дальше в ограничении высказываний, которые им не нравятся. Во Франции случай, о котором сообщила газета «Brussels Times», ярко иллюстрирует царящий правовой абсурд. Еще в 2011 году, во время своей предвыборной кампании, мэр Бокера Жюльен Санчес опубликовал на своей странице в Facebook сообщение о политическом оппоненте. В комментариях один из сторонников написал: «Этот человек превратил Ним в Алжир. Нет ни одной улицы, где не было бы кебабной и мечети; здесь царят наркоторговцы и проститутки, неудивительно, что он выбрал Брюссель — столицу нового мирового порядка шариата». Некоторые могут счесть этот комментарий неприятным, даже оскорбительным. Но ни в коем случае он не подстрекает к насилию и не представляет прямой угрозы для кого-либо. Даже если бы это и было так, чего, безусловно, не было, написал его не Санчес. Однако для французского суда это не имело значения: он признал виновными как автора комментария, так и самого Санчеса в подстрекательстве к ненависти и насилию в отношении группы людей по признаку этнической, расовой и религиозной принадлежности. Санчес обратился с этим делом в Европейский суд по правам человека, надеясь на более разумное решение, но приговор был оставлен в силе, а это означает, что согласно действующему законодательству любой, кто публикует посты в социальных сетях, может быть признан виновным в подстрекательстве к ненависти и насилию, даже если эти комментарии на его странице оставляют другие люди.

In Europe, **one is free to speak,**
not free to spread illegal content.*

—
*En Europe, **chacun est libre de s'exprimer,**
pas de diffuser des contenus illégaux.
—

#EuropeProtects
#DemocracyNotAlgoocracy

В официальном сообщении французских властей от 14 июля 2025 года утверждается, что закон DSA направлен на борьбу с незаконным контентом при одновременном обеспечении свободы слова.

Германия, пожалуй, представляет собой наиболее наглядный пример того, как законодательные ограничения свободы слова могут перерасти из абстрактного правового регулирования в обыски в домах граждан. Согласно § 188 Уголовного кодекса Германии, принятому под лозунгом борьбы с разжиганием ненависти в интернете, оскорбление лиц, участвующих в политической жизни, влечёт за собой более строгое наказание — вплоть до трёх лет лишения свободы, что значительно превышает санкции, предусмотренные обычными нормами о клевете и оскорблении.

Практическое применение этого закона достигло абсурдного уровня во время общенациональных полицейских «дней борьбы с интернет-преступностью». Так, полиция провела обыск в доме 64-летнего жителя Баварии, изъяв его электронные устройства после того, как он сделал репост мема, высмеивающего вице-канцлера Роберта Хабекка. В меме логотип шампуня Schwarzkopf Professional был изменён на Schwachkopf Professional («Профессиональный идиот»).

Другой пользователь социальных сетей также оказался объектом полицейской проверки после того, как назвал канцлера Фридриха Мерца «Пиноккио» в Facebook. Этот случай побудил одного из высокопоставленных американских дипломатов сравнить немецкое законодательство с законами об оскорблении величества.

Защитники закона утверждают, что он призван оградить демократические институты, обеспечив государственным служащим дополнительную защиту от травли и преследования. Однако, возникает закономерный вопрос: почему государственные должностные лица должны пользоваться особой защитой от насмешек, которой лишены все остальные? Напротив, именно потому, что они обладают властью принимать решения, влияющие на жизнь общества, они должны подвергаться более пристальному общественному контролю и критике, а не меньшей. Кроме того, наивно полагать, что, запретив людям открыто высказывать свои мысли, можно тем самым запретить им думать.

Однако за пределами подобных почти фарсовых примеров ограничения свободы слова наступление Германии на свободу выражения мнений приобрело гораздо более мрачный характер. Власти неоднократно запрещали или жёстко разгоняли пропалестинские демонстрации. Участников акций задерживали за лозунги, флаги или символику. По данным правозащитных организаций, в период с 2018 по 2026 год были задокументированы сотни случаев репрессий, включая избиения, задержания и депортации. В середине июля Бундесрат (верхняя палата парламента Германии) одобрил законопроект, прямо предусматривающий уголовную ответственность за публичное отрицание права Израиля на существование. Нарушителям будут грозить штрафы или лишение свободы на срок до пяти лет. Если документ будет принят и Бундестагом, Германия станет первой европейской страной, где именно такая форма высказывания будет прямо запрещена законом. Любопытно, что закон касается исключительно Израиля. Это означает, что отрицание права на существование любого другого государства под его действие не подпадает. Такой подход свидетельствует об избирательном характере законодательного регулирования.

В Великобритании ситуация выглядит не менее тревожной. Согласно опубликованному в 2025 году отчёту, подготовленному газетой *The Times* на основании запроса о свободе информации (Freedom of Information), только в 2023 году британская полиция произвела более 12 000 арестов — в среднем свыше 30 человек в день — по Закону о коммуникациях 2003 года (Communications Act 2003) и Закону о злонамеренных сообщениях 1988 года (Malicious Communications Act 1988). Кроме того, исследование показало, что с 2017 года ежегодное число подобных арестов более чем удвоилось. Высокий уровень правоприменения сохранялся и в 2024–2025 годах: под действие этих норм попали десятки тысяч человек. Во многих случаях речь шла не о прямых угрозах, а о ретвитах, интернет-мемах или эмоциональных комментариях, опубликованных в ходе оживлённых онлайн-дискуссий.

Недавний «Закон о безопасности в Интернете» также является ярким примером уловки под видом «защиты». Представленный как мера по обеспечению безопасности детей, направленная на борьбу с незаконным и вредным контентом, он налагает на платформы «обязанность проявлять осторожность», требуя проведения проактивной оценки рисков и оперативного удаления материалов, которые могут причинить «физический или психологический вред». Неясные формулировки относительно того, что считается незаконным (или может привести к незаконным действиям), особенно в сочетании с действующим законодательством Великобритании о языке ненависти, разжигании ненависти или поддержке терроризма, создают мощные стимулы для чрезмерного удаления контента. Платформам также грозят огромные штрафы или даже личная ответственность руководителей, что подталкивает их к излишнему цензурному подходу. Согласно отчету газеты «The Telegraph», с момента вступления Закона о безопасности в Интернете в силу в 2023 году и по февраль 2025 года 292 человека были обвинены в распространении ложной информации и «угрожающих сообщений» на основании этого закона.

Впереди — антиутопическое будущее

Если рассматривать каждое из этих положений в отдельности, то общественности оно представляется как целенаправленная, благотворная мера, призванная защитить уязвимые слои населения, обеспечить социальную гармонию и «очистить» Интернет, чтобы сделать его «безопаснее» для всех нас. Но в совокупности эти законы образуют всеобъемлющий аппарат контроля. Называя цензуру «безопасностью», слежку — «защитой», а политическое конформизм — «гражданским долгом», европейские государства построили систему, в которой инакомыслие патологизируется и криминализируется. Когда оскорбление в адрес политика может привести к полицейскому рейду в частном доме, когда государство следит за каждым словом, которое вы набираете в сообщении другу, и когда мирные публичные протесты могут быть объявлены вне закона административным указом, свобода слова активно разрушается теми самими институтами, которые поклялись её защищать.

По сути, неудивительно, что правительства с такой настойчивостью стремятся установить контроль над интернетом: децентрализованное цифровое пространство представляет собой экзистенциальную угрозу централизованной государственной власти. На протяжении десятилетий официальные государственные нарративы и монополия традиционных СМИ позволяли властям практически полностью контролировать общественное восприятие происходящего. Открытый интернет разрушил эту модель, предоставив гражданам возможность мгновенно общаться

через государственные границы, обходить институциональные фильтры и обмениваться информацией без предварительного отбора или цензуры. Когда люди могут свободно взаимодействовать друг с другом, несмотря на границы, традиционная государственная пропаганда утрачивает своё влияние. Именно поэтому подчинение интернета государственному контролю становится одним из ключевых условий сохранения политического контроля в современном мире.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ ЕС ЕС